

Зудина Марина

«Дома и в театре я зову мужа Олегом Павловичем»

Арт-фонарь *спри. к газ. "Аргументы и факты"* — 1994. — № 16. — с. 4.

— Мы знакомы много лет, что дает мне право на некоторые выводы. Твоя жизнь, по-моему, выстраивается в почти прямую линию: хотела стать актрисой и стала, хотела учиться у Табакова и поступила к нему на курс в ГИТИСе... Потом попала в его театр. Никаких особенных излозигзагов...

— Внешне, видимо, так все и выглядит. Да, наверное, я благополучная актриса, хотя сказать тебе любой актрисе очень трудно. Человек живет не только тем, что он сделал, живет перспективой, сомнениями и огорчениями от того, что мог бы сделать. У меня были годы, когда я чувствовала себя необязательной в труппе, и эти годы никак не назовешь благополучными. К тому же женщинам вообще в театре везет меньше: в любой, какую ни возьми, классической пьесе преобладают роли мужские.

Ну, а последний год и в самом деле получился благополучным. У меня вообще такое впечатление, что с «Механического пианино», поставленного Олегом Павловичем Табаковым, началась какая-то новая полоса. Этот спектакль, события в личной жизни, съемки в фильме «Немой свидетель» у английского режиссера Энтони Уоллера...

— Несколько лет назад четыре советские (тогда еще советские) актрисы ездили в Лондон пробовать на роль театральных партнерш знаменитого Джона Малковича. Была среди них и ты. Отобрали тогда только Ингеборгу Дапкунайте, она отыграла сезон на Западе, а потом и вовсе осталась там. Ты не жалеешь, что выбрали не тебя? Ведь тогда твоя судьба могла сложиться иначе?

— МЕНЯ выбрали. Дело в том, что четыре актрисы должны были играть четыре разные роли. Но не от тебя первого слышу, что выбрали одну. Репетиции должны были быть в США, получить разрешение на работу за неполных два месяца для актрисы из России практически невозможно. Насколько я знаю, спектакль не стал хитом. Я ни о чем не жалею. Более того, в глубине души я рада, что судьба распорядилась за меня, потому что я не была готова к такому ее повороту.

А Инга? Она живет в Лондоне. Ну и что? О том, что она стала европейской звездой, я пока не слышала. Да и работа с англичанином Уоллером дала мне, я думаю, не меньше, чем возможное участие в английском спектакле.

— Твоя героиня в фильме Энтони Уоллера — как раз и есть тот самый «немой свидетель», немая девушка, случайно ставшая свидетельницей убийства. Это трудно — играть «без голоса»? Наверное, нужна совсем другая пластика...

— Пластика рождается непроизвольно: когда не можешь говорить, начинаешь все остальное делать более выразительно.

Энтони работал потрясающе. Он с самого начала видел фильм, который хотел снять. Знал, как будет монтировать каждый кадр. Более того, сам и снимал некоторые эпизоды. У меня были сцены, когда я убежала от преследователей по длинному коридору. Так вот, Энтони брал камеру, становился на роликовые коньки и на огромной скорости мчался рядом со мной.

КРАЙНИЙ РОМАНТИЗМ + ПРАКТИЧЕСКИЙ СКЛАД УМА

- Как в нашем интервью ты будешь называть Табакова?
- Олег Павлович. Конечно, Олег Павлович.
- Ты так и зовешь его в жизни?
- На людях — всегда. И — на «вы». Когда обращаюсь на что-нибудь, тоже обращаюсь по имени-отчеству.
- Используют ли ты семейное положение в личных целях, а служебное — в личных?
- Даже если бы я очень захотела это сделать, то вряд ли бы это удалось. Табаков — человек самостоятельный и по-хорошему упрямый.
- Ты мне признавалась когда-то, что тебя все больше тянет куда-то в прошлые времена. И по репертуару заметно...

— Тот же Табаков говорит, что во мне сочетаются крайний романтизм и практический склад ума. Что до последнего, то это касается ведения хозяйства и устройства домашнего быта. Но я и вправду больше тяготею к XIX веку. Мне кажется, во мне живет некая гармония, и она разнится с тем, что происходит сейчас. Я имею в виду те ритмы, в которых существуют наши «новые русские». Пока не находя в себе созвучий с этими ритмами. Мы даже трагедии стали переживать как-то иначе — более спокойно, проходно...

«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЭТО СУДЬБА БЫЛА...»

- Твоя жизнь теперь так резко изменилась. Ты стала женой, хозяйкой дома. Тебе трудно?
- Пожалуй. Отнести себя к женщинам, которые безумно любят повседневную домашнюю работу, не могу. Что мне действительно нравится, так это создавать уют, придумывать интерьер, заниматься домашним дизайном.

А сейчас мне сложно, потому что мы все в доме переделываем, и это такой адский труд!.. У Олега Павловича с годами была отбита любовь к быту. И очень много сил, энергии уходит на то, чтобы в нем что-то изменилось, чтобы он полюбил это, чтобы почувствовал: дом — это его дом, там должно быть красиво и уютно.

— Интервью, которое дал Табаков «Московскому комсомольцу» полгода назад, взорвало Москву. О нем тогда много говорили. Было ощущение, что Табаков сознательно шел на скандал, раскрывая самые деликатные подробности своей личной жизни. Кажется, впервые из этого интервью все узнали, что ты с ним теперь — муж и жена. Как ты отнеслась к этому интервью?

— Интервью — дело индивидуальное и сугубо личное. Но в нем было то, что он хотел сказать в данный конкретный момент. Видимо, ему надоело все эти бесконечные разговоры за спиной...

— И он таким образом хотел одним ударом разорвать все узлы?

— Да. Вот так!

— Вы женаты год, а до этого?.. ТО долгая история, которая тянется 11 лет — со второго курса. Даже больше, потому что я еще со школы мечтала у него учиться. Я воспитывалась на его фильмах, обожала радиоспектакли — все время слушала «Пятнадцатилетнего капитана», «Мальчиков». В седьмом классе посмотрела фильм «Тимур и его команда» и влюбилась в Антона Табакова. Полгода это продоллось — думала: может, когда-нибудь с ним познакомлюсь. Забавно, правда?..

А вообще, мне кажется, это судьба. Притом я была настолько далека от его решения, что о его разводе услышала впервые не от него, а от актрисы нашего театра перед спектаклем.

Мне, кстати, и мама, когда я поступала в ГИТИС, говорила: «Если Табаков тебя не примет, то не примет никто».

— Тебе не мешает замужество? Быть женой художественного руководителя театра — это означает ловить за спиной какие-то разговоры лепопотом и непременно относить их на собственный счет.

— Я всегда настолько жила другим — своей жизнью, своими ролями, своим романом, что никогда не знала, у кого с кем ро-театре. Обо всем узнавала в послед-редь.

КОНЕЧНО, в любом театре бывает то, о чем ты говоришь. Дали роль тебе, а не кому-то, кто-то на что-то обиделся... Наверное, и у нас это прорывается. Но мы все учились вместе, мы знаем друг друга много-много лет. И потом, я нормальный человек. Надеюсь, им свойственно объективно смотреть на то, что я делаю. И если я делала свое дело хорошо, то слышала добрые и — убеждена! — искренние слова от партнеров и коллег.

— Что ты репетируешь сейчас?

— Пьесе Алексея Богдановича «Мест Гольдони». Играю Маддалену — актрису, влюбившись в которую, Гольдони написал «Трактирщицу». И еще — «Последние» Горького. Это постановка Адольфа Шапиро. Я репетирую Любовь.

О ТЕСНОТЕ, ПОЛОТЕНЦЕ, «МОРДАШКЕ» И ОТСУТСТВИИ ЗВЕЗД

— Тебе не тесно в маленьком подвальном театре на 100 мест? Не хочется раздвинуть пространство, покорять большие залы?

— Конечно, тесно. Все мы это ощущаем. Когда выезжаем на гастроли и играем свои спектакли в «нормальных» театральных залах, испытываем совершенно иные ощущения. Но что делать? Построить новое здание невозможно, арендовать — дорого...

Проблема в том, что пространство себя изживает. Придумать художественное решение спектакля невозможно. Только что Олег Павлович поставил «Механическое пианино» в Хельсинки — этот спектакль должен поехать в Люксембург на европейский театральный фестиваль (будут играть финские актеры и четыре наших). Так вот там спектакль получился гораздо интереснее. Во многом — за счет пространства.

И нельзя упрекать в чем-то режиссера или художника. Этот зал стал тесным, не говоря уж о том, что из последних рядов не видны пол, углы сцены...

— В репертуаре «табакерки» появляется все больше спектаклей-римейков — своеобразных повторений старых популярных фильмов или легендарных спектаклей. В двух таких римейках («Механическое пианино» и «Обыкновенная история») играешь и ты. Мне нравятся эти спектакли. Но не давит ли на тебя актерская индивидуальность актрис, сыгравших эти роли до тебя, — Елены Соловей и Лилии Толмачевой? Что касается последней, то мне вдруг показалось, что ты играешь очень похоже — совпадают даже голос, даже интонация...

— Олег Павлович тоже говорил, что мы похожи с Толмачевой. Не по роли — в жизни в чем-то похожи. Нет, мне это не мешает. У меня такая индивидуальность — не умею копировать. Сколько бы ни смотрела, все равно играю «через себя». И нет страха, что сделаю хуже: все люди разные, и каждый актер играет по-своему.

— Что такое актерская раскованность? Есть ли вещи в театре и кино, которые тебе делать стыдно?

— Нет, я ничего стыдного не делала. За исключением необязательных ролей в кино, которые у меня, как и у всех, были. Но они не стыдные, скорее — проходные.

В принципе, я не люблю раздеваться. И если Елена Кондулайнен на каждом шагу говорит об этом и получает кайф от сцен с раздеванием, то мне это не нравится, я соглашаюсь на них только, когда это оправданно и необходимо.

В «НЕМОМ СВИДЕТЕЛЕ» таких сцен мало, да и сняты они достаточно деликатно. И вот там есть эпизод: я выхожу из ванной, завернувшись в полотенце. Когда Табаков посмотрел картину, он спросил: «А почему у тебя уголок полотенца оку-нул в воду и намок?» То есть я так торопилась от дискомфорта, от желания побыстрее завернуться в это самое спасительное полотенце...

— После стародавнего фильма «Мордашка» мне показалось, что в тебе скрывается хорошая комедийная актриса. Жаль, что потом ничего подобного тебе делать не приходилось.

— Мне тоже жаль. Во мне это действительно есть. Но — не предлагают. Возможность комедийных проявлений дает пьеса «Мест Гольдони». Это бу-

дет, надеюсь, веселый жанровый спектакль — об актерах, об их нравах. Ставит Табаков, музыку пишет Аотемьев. К нам приезжал специально для этого спектакля Ферруччо Салери — артист театра Стрелец-последний великий Арлекин. Последний — потому что у него нет учеников. Две недели занимался с-стикой театра дель арте...

— о такое звезда сегодня? И кто для тебя звезда?

— Россия всегда была богата талантами. И у нас звезд всегда хватало. Но в силу обстоятельств они не могли выйти на мировой уровень. Звезда должна светить всему миру. У нас мировых звезд в театре и кино нет. Могла бы стать Самойлова, но не стала, мог бы стать Табаков, если бы в свое время не отказался сниматься в роли Есенина с Ванессой Редгрейв, если бы в конце шестидесятых из-за чехословацких событий не сорвалось мировое турне поставленного в Праге «Ревизора» с Табаковым-Хлестаковым...

Что касается известности в нашей стране... Раньше актеров знали после двух-трех картин. Сейчас можешь сниматься в десятках — никто тебя не увидит. Мне еще повезло — мои первые фильмы («Валентин и Валентина», «По главной улице с оркестром», «Личное дело судьи Ивановой», «Дубровский») вышли в те годы, когда советское кино смотрели.

— Несколько лет назад в одном из интервью ты говорила, что мечтаешь сыграть Чехова. Сейчас после премьеры «Механического пианино» мечта осуществилась. О чем мечтаешь теперь?

— Все о том же. Опять хочу играть Чехова...

Беседу вел Александр КОЛБОВСКИЙ

